

Кощей Бессмертный — эпизод 2 из 4

На другой день встала старуха раненько, умылась беленько, вышла с Иваном-царевичем на крылечко и скричала богатырским голосом, сосвистала молодецким посвистом. Крикнула по морю: "Рыбы и гад водяной! Идите сюда". Тотчас сине море всколыхалось, собирается рыба и большая и малая, собирается всякий гад, к берегу идет - воду укрывает. Спрашивает старуха: "Где живет Ненаглядная Красота, трех мамок дочка, трех бабок внучка, девяти братьев сестра?" Отвечают все рыбы и гады в один голос: "Видом не видали, слухом не слыхали!" Крикнула старуха по земле: "Собирайся, зверь лесной!" Зверь бежит, землю укрывает, в один голос отвечает: "Видом не видали, слухом не слыхали!" Крикнула старуха по поднебесью: "Собирайся, птица воздушная!" Птица летит, денной свет укрывает, в один голос отвечает: "Видом не видали, слухом не слыхали!" - "Больше некого спрашивать!" - говорит старуха, взяла Ивана-царевича за руку и повела в избу; только вошли туда, налетела Моголь-птица, пала на землю - в окнах свету не стало. "Ах ты, птица Моголь! Где была, где летала, отчего запоздала?" - "Ненаглядную Красоту к обедне сряжала". - "Того мне и надоть! Сослужи мне службу верою-правдою: снеси туда Ивана-царевича". - "Рада бы сослужила, много пропитанья надоть!" - "Сколько много?" - "Три сороковки говядины да чан воды".

Иван-царевич налил чан воды, накупил быков, набил и накладал три сороковки говядины, уставил те бочки на птицу, побежал в кузницу и сковал себе копьё длинное железное. Воротился и стал со старухой прощаться. "Прощай, - говорит, - бабушка! Корми моего доброго коня сыто - я тебе за все заплачу". Сел на Моголь-птицу - в ту ж минуту она поднялась и полетела. Летит, а сама бесперечь оглядывается: как оглянется, Иван-царевич тотчас подает ей на копьё кус говядины. Вот летела-летела немало времени, царевич две бочки скормил, за третью принялся и говорит: "Эй, птица Моголь! Пади на сыру землю, мало пропитанья стало". - "Что ты, Иван-царевич! Здесь леса дремучие, грязи вязучие - нам с тобой по конец века не выбраться". Иван-царевич всю говядину скормил и бочки спихал, а Моголь-птица летит - оборачивается. "Что делать?" - думает царевич, вырезал из своих ног икры и дал птице; она проглотила, вылетела на луга зеленые, травы шелковые, цветы лазоревые и пала наземь. Иван-царевич встал, идет по' лугу - разминается, на обе ноги прихрамывает. "Что ты, царевич, али хромаешь?" - "Хромаю, Моголь-птица! Давеча из ног своих икры вырезал да тебе скормил". Моголь-птица

выхаркнула икры, приложила к ногам Ивана-царевича, дунула-плюнула, икры приросли - и пошел царевич и крепко и бодро.

Пришел в большой город и пристал отдохнуть к бабушке-задворенке. Говорит ему бабушка-задворенка: "Спи, Иван-царевич! Заутро, как ударят в колокол, я тебя разбуджу". Лег царевич и тотчас уснул; день, спит, ночь спит... Зазвонили к заутрене, прибежала бабушка-задворенка, стала его будить, что ни попадет в руки - тем и бьет; нет, не могла сбудить. Отошла заутреня, зазвонили к обедне, Ненаглядная Красота в церковь поехала; прибежала бабушка-задворенка, принялась опять за царевича, бьет его чем ни попадая, насил-насилу разбудила. Вскочил Иван-царевич скорехонько, умылся белехонько, снарядился и пошел к обедне. Пришел в церковь, образам помолился, на все стороны поклонился, Ненаглядной Красоте на особицу; стоят они рядом да богу молятся. На отходе обедни она первая под крест, он второй за ней.

Вышел на рундук, глянул на сине море - идут корабли; наехало шесть богатырей свататься. Увидали богатыри Ивана-царевича и ну насмеяться: "Ах ты, деревенская зобенка! По тебе ль такая красавица? Не стоишь ты ее мизинного пальчика!" Раз говорят и в другой говорят, а в третий сказали - ему обидно стало: рукой махнул - улица, другой махнул - чисто, гладко кругом! Сам ушел к бабушке-задворенке. "Что, Иван-царевич, видел Ненаглядную Красоту?" - "Видел, по век не забуду". - "Ну ложись спать; завтра она опять к обедне пойдет; как ударит колокол, я тебя разбуджу". Лег царевич; день спит, ночь спит... зазвонили к заутрене, прибежала бабушка-задворенка, стала будить царевича, что ни попадет под руки - тем и бьет его; нет не могла разбудить. Зазвонили к обедне, она опять его бьет и будит. Вскочил Иван-царевич скорехонько, умылся белехонько, снарядился и в церковь. Пришел, образам помолился, на все на четыре стороны поклонился, Ненаглядной Красоте на особицу; она на него глянула - покраснела. Стоят они рядышком да богу молятся; на исходе обедни она первая под крест, он второй за ней.

Вышел царевич на рундук, поглядел на сине море - плывут корабли, наехало двенадцать богатырей; стали те богатыри Ненаглядную Красоту сватать, Ивана-царевича на смех подымать: "Ах ты, деревенская зобенка! По тебе ль такая красавица? Не стоишь ты ее мизинного пальчика!" От тех речей ему обидно показалось; махнул рукой - стала улица, махнул другой - чисто и гладко кругом! Сам к бабушке-задворенке ушел. "Видел ли Ненаглядную Красоту?" - спрашивает бабушка-задворенка. "Видел, по век не забуду". - "Ну, спи; заутро я тебя опять разбуджу". Иван-царевич день спит и ночь спит;

ударили в колокол к заутрене, прибежала бабушка-задворенка будить его; чем ни попадя бьет его, не жалеючи, а разбудить никак не может. Ударили в колокол к обедне, она все с царевичем возится. Насилу добудилась его! Иван-царевич вскочил скорехонько, умылся белехонько, снарядился и в церковь. Пришел, образам помолился, на все на четыре стороны поклонился, Ненаглядной Красоте на особицу; она с ним поздоровалась, поставила его по правую руку; а сама стала по левую. Стоят они да богу молятся; на исходе обедни он первый под крест, она вторая за ним.

Вышел царевич на рундук, поглядел на сине море - плывут корабли, наехало двадцать четыре богатыря Ненаглядную Красоту сватать. Увидали богатыри Ивана-царевича и ну над ним насмехаться: "Ах ты, деревенская зобенка! По тебе ль такая красавица? Ты не стоишь ее мизинного пальчика!" Стали к нему со всех сторон подступать да невесту отбивать; Иван-царевич не стерпел: махнул рукой - улица, махнул другой - гладко и чисто кругом, всех до единого перебил. Ненаглядная Красота взяла его за руку, повела в свои терема, сажала за столы дубовые, за скатерти браные, угощала его, потчевала, своим женихом называла.